

С. И. Вайнштейн

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЖИЛИЩА СТЕПНЫХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ

Первая обстоятельная попытка разработать историю жилища степных кочевников была сделана в конце XIX в. Н. Н. Харузиным¹. Он сопоставил конструкции жилищ кочевых и полукочевых тюрко-монгольских народов России XVIII—XIX в., исходя при этом из предпосылки, что среди современных жилищ кочевников должны были сохраниться основные типы, возникавшие в прошлом и отражающие историю их развития. Чем проще конструкция конкретного типа, считал Н. Н. Харузин, тем раньше он возник и может рассматриваться как прототип для более сложной формы. Интересная работа Харузина, в которой был собран большой фактический материал, наряду с ценными наблюдениями и выводами содержала ряд весьма спорных положений, вызванных существенными недостатками примененного им метода исследования. Вместе с тем, строго говоря, Н. Н. Харузин предложил свою типологическую схему развития жилищ, основываясь преимущественно на их современных формах, а не разработал историю жилища. Метод Н. Н. Харузина лежал в основе последующих разработок этой проблемы, предпринятых главным образом в связи с вопросами эволюции монгольской архитектуры².

Проблемы истории жилища кочевников остаются поныне недостаточно разработанными, хотя они и вызывают все возрастающий интерес, о чем свидетельствуют вышедшие в последние годы труды³. Вопросы истории жилища кочевников степной зоны Евразии рассматривались также мною⁴.

Одна из наиболее существенных и интересных проблем в истории жилища кочевников — это генезис юрты, которую несомненно можно отнести к числу важнейших достижений материальной культуры степных nomadов.

Нередко юртами называют совершенно различные типы жилищ охотничьих, скотоводческих, а иногда и оседло-земледельческих народов — от чума (конического шалаша) до многоугольных срубов. Любое упоминание в источниках о наличии у того или иного народа жилища, крытого

¹ Н. Харузин, История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России, М., 1896.

² См., например, А. А. Драги, Самобытность и эволюция архитектуры Монголии, Автореф. канд. дис., Л., 1975.

³ Н. М. Щепетильников, Архитектура Монголии, М., 1960; Д. Майдар, Архитектура и градостроительство в Монголии, М., 1971; Д. Пюрвеев, Солнце, пространство и жилище, Элиста, 1971; Н. Дажаав, Юрта — основа монгольского зодчества, в кн.: «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии», Улан-Батор, 1974; Л. Г. Нечаева, О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке, в кн.: «Древнее жилище народов Восточной Европы», М., 1975.

⁴ С. И. Вайнштейн, Происхождение и историческая этнография тувинского народа, Автореф. докт. дис., М., 1969, стр. 30—32.

войлоком, рассматривается отдельными авторами как указание на существование у них юрт. А. А. Попов в своей великолепной классификации жилища сибирских народов справедливо рассматривает юрту как совершенно своеобразный по конструкции цилиндрический шалаш, имеющий решетчатый складной каркас стен⁵. Вполне правомерно, чтобы избежать неоправданного разнобоя в названиях, именовать юртами лишь жилища с цилиндрическим складным решетчатым каркасом стен.

О времени возникновения юрты в литературе высказывались самые противоречивые точки зрения. Так, Н. Н. Харузин, касаясь истории юрты, писал, что она «вне сомнения должна была пройти длинный путь, прежде чем развиться до настоящего ее вида. Но проследить это развитие последовательно нелегко: возможно на основании имеющегося материала лишь наметить это развитие в общих чертах и высказать некоторые гипотезы»⁶. Суть их сводилась к тому, что юрта возникла из чума в процессе его модификации. Он же на примере ногайцев склонялся к выводу, что «решетчатая юрта» получила распространение сравнительно поздно — лишь в XVII в.⁷

Вместе с тем широко распространена точка зрения о крайней древности юрты кочевников. Так Н. М. Щепетильников писал в работе, посвященной монгольской архитектуре, что «время возникновения юрты установить невозможно, она уходит в глубь веков»⁸. В самое последнее время к этой точке зрения присоединился А. М. Хазанов, утверждающий, что юрта была уже известна древним кочевникам⁹.

Некоторые из авторов, отрицающие какой-либо существенный прогресс материальной культуры кочевников, ссылаются, в частности, на то, что их жилища на протяжении свыше двух с половиной тысячелетий не претерпело изменений. Таким образом, вопрос о генезисе юрты представляет не только самостоятельный интерес, но и тесно связан с общей проблемой истории культуры кочевников.

Обратимся к фактам. Ранним кочевникам евразийских степей — скифам, сарматам, гуннам, усуням и др. — юрта, вопреки мнению некоторых исследователей, известна не была. Для доказательства существования у них юрты ссылаются обычно на изображение жилища кочевников (I в. до н. э. — I в. н. э.) в одном из керченских склепов (склеп Анфестерия)¹⁰. Однако никаких черт, присущих юрте, у этого жилища (рис. 1, а) не было. Еще М. Ростовцев отмечал, что оно имеет форму двух поставленных одна на другую усеченных пирамид и держится на деревянном остова, главным образом на четырех столбах¹¹. Неосновательна ссылка и на работы археологов¹², так как описываемые ими «юрты» у древних кочевников имели не складной решетчатый остов, а характерный для чума каркас из жердей¹³.

Л. Г. Нечаева пишет в своей работе, что скифам времен Геродота была известна «примитивная коническая юрта» (т. е. чум); вместе с тем она признает, что пользуется термином «юрта» лишь «весьма условно» из-за неразработанности терминологии¹⁴.

⁵ А. А. Попов, Жилище, «Историко-этнографический атлас Сибири», М.—Л., 1961, стр. 149.

⁶ Н. Харузин, Указ. раб., стр. 21.

⁷ Там же, стр. 46.

⁸ Н. М. Щепетильников, Указ. раб., стр. 20.

⁹ А. М. Хазанов, Социальная история скифов, М., 1975, стр. 271.

¹⁰ На это изображение ссылаются, например, А. М. Хазанов (Указ. раб., стр. 271).

¹¹ М. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, т. 1. СПб., 1914, стр. 173. Попутно заметим, что изображение этого жилища в книге Б. Н. Гракова «Скифы» (М., 1971, стр. 37) искажено. Оно показано не пирамидальным, а округлым.

¹² См., например, А. М. Хазанов, Указ. раб.

¹³ Например, П. Н. Шульц пишет: «...остов юрты, таким образом, был сооружен из двух рядов шестов» (П. Н. Шульц, О работах Евпаторийской экспедиции, «Сов. археология», вып. III, М.—Л., 1937, стр. 253).

¹⁴ Л. Г. Нечаева, Указ. раб., стр. 13.

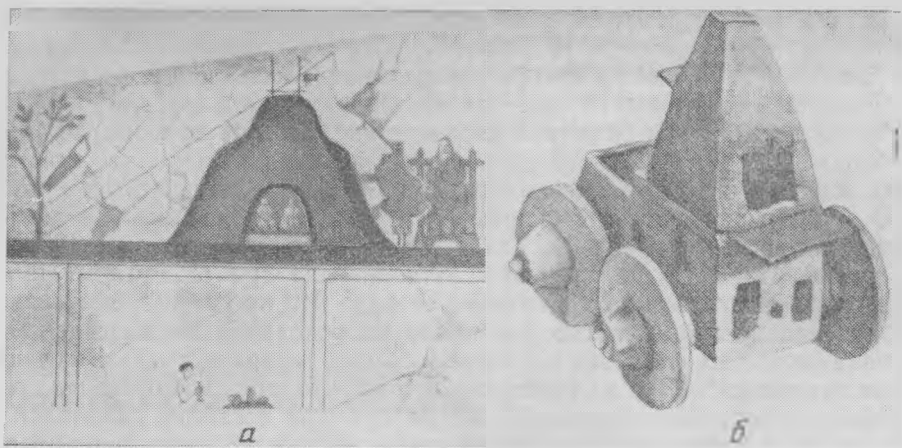

Рис. 1. Жилища европейских кочевников скифо-сарматского времени: а — фрагмент рисунка из склепа Анфестерия; б — игрушечная кибитка, глина (Керчь)

Ряд авторов основывают свое мнение о существовании юрт у ранних кочевников — усуней ссылкой на стихотворение китайской принцессы Сиц Зюн, выданной замуж в конце II в. до н. э. за усунского гуньмо¹⁵. Однако из текста стихотворения следует лишь, что она жила в шалаше с войлочными стенами¹⁶. Не знали юрту ни хунну в Центральной Азии, ни гунны в Европе¹⁷.

Имеющиеся источники позволяют сделать вывод о том, что скифы и другие ранние кочевники степей Восточной Европы пользовались либо разборными жилищами — шалашами с остовом (коническим или пирамидально-усеченным) из жердей, либо кибитками — неразборными передвижными жилищами на колесах¹⁸. Изображения кибиток мы видим на глиняных игрушечных моделях¹⁹, а рисунок пирамидально-усеченного шалаша — в упомянутом выше склепе Анфестерия. Судя по моделям, пирамидально-усеченные шалашы устанавливались также на повозках (рис. 1, б; 6, 5, б). Исходной формой пирамидально-усеченного шалаша был чум, однако основные шесты его остова не скрещивались сверху, а как бы скреплялись квадратной рамой, на что справедливо обратила внимание Л. Г. Нечаева²⁰, но вряд ли с ней можно согласиться, что эта «рама» (скорее функцию скрепления выполняли отдельные палки-обвязки верхушек основных шестов) послужила прототипом дымового круга юрты. Сопоставив рисунок шалаша из склепа Анфестерия со сходной по форме игрушечной моделью кибитки, Л. Г. Нечаева высказала предположение, что стены подобных жилищ делались в виде плотного

¹⁵ Л. А. Евтухова, Развалины дворца в «земле хягас», «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XXI, М., 1947, стр. 85; Н. М. Шепетильников, Указ. раб., стр. 19; А. К. Абетеков, О типах жилищ у древних усуней, в кн.: «Первобытная археология Сибири», Л., 1975, стр. 138.

¹⁶ Н. В. Кюнер, Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961, стр. 78.

¹⁷ Сохранилось известное свидетельство Аммиана Марцеллина, что гунны не имеют даже шалашей и постоянно кочуют в кибитках (История, XXXI, 2, 10).

¹⁸ Подобные кибитки неоднократно упоминали античные авторы. См.: Геродот, IV, 121; Гиппократ, О воздухе, водах и местностях, 25; Страбон, VII, 3, 17.

¹⁹ Глиняные игрушки в виде кибиток, найденные в Керчи, свидетельствуют о нескольких их разновидностях. Подробнее см.: Э. Р. фон Штерн, Из жизни детей в греческих колониях на Северном побережье Черного моря, «Сборник археологических статей, преподнесенный графу А. А. Бобринскому...», СПб., 1911, стр. 28; Л. Г. Нечаева, Указ. раб., стр. 11—13.

²⁰ Л. Г. Нечаева, Указ. раб., стр. 14.

частокола²¹. Не говоря уже о том, что изгиб стены на упомянутом рисунке противоречит такому выводу (рис. 1, а) столь громоздкую конструкцию было бы крайне трудно перевозить на повозках. Логичнее предположить, что рассматриваемый шалаш имел остов из четырех конических установленных шестов с тремя квадратными обвязками из горизонтальных жердей (рис. 6, 3), прикрывавшихся войлоком (рис. 6, 4). Меняя длину некоторых из жердей, можно было несколько варьировать и форму жилища.

О знакомстве скифов с конструкцией конического шалаша с тремя основными шестами (рис. 6, 1, 2) свидетельствует описание Геродотом их «бани»²².

У племен «скифского мира» в Центральной Азии и Южной Сибири во второй половине I тысячелетия до н. э., по всей вероятности, был распространен наряду с чумом и полусферический шалаш из согнутых в дугу жердей, верх которого укреплялся в скрещивании конически установленных жердей в центре жилища (рис. 6, 8, 9). Жилища из полусферически согнутых дуг известны еще поныне ряду кочевых скотоводческих народов Евразии. Рисунок жилища полусферической формы, в центре которого мы видим скрещивающиеся жерди (они могли быть и опорой конструкции, и служить для подвешивания котла над очагом), был найден мною в 1954 г. при раскопках одного из курганов казылганской культуры скифского времени в Туве²³ (рис. 6, 7).

В центрально-азиатских степях у хунну не позднее конца I тысячелетия до н. э. начали употреблять более приспособленный к степным условиям и перевозкам на телегах неразборный куполообразный шалаш, полусферический остов которого сплетали из гибких ивовых прутьев. Куполообразный верх жилища переходил в невысокую шейку-дымоход. Основание шейки, вероятно, скреплял деревянный круг. По-видимому, употреблялись внутренние опорные столбы. Купол такого шалаша покрывался войлоком, защищавшим от проникновения влаги во время дождя. В холодное время года все жилище прикрывалось войлочными покрывками (войлок получил широкое распространение у кочевых скотоводов еще в скифское время). О деталях конструкции этого типа жилища у хунну и сопредельных с ними народов можно судить по косвенным свидетельствам синхронных источников, а также по более поздним описаниям этого типа жилища, сохранявшегося у некоторых групп поздних кочевников. Назовем это жилище (рис. 6, 10) шалашом хуннуского типа.

Рисуя образ жизни хунну, один из китайских сановников в конце I в. отмечал, что у них «сплетенная ива служит домом, войлочная циновка служит крышей»²⁴. Интересно в этом отношении и свидетельство китайской поэтессы Цай Вэнь-цзи, жившей среди хунну во II в. Она писала в своем стихотворении, что живет в куполообразном шалаше (*цунлу*) с плетеными (*лань-тань*) стенами²⁵.

Уникальный рисунок жилища такого типа сохранился среди петроглифов, изображающих поселок рубежа нашей эры на известной Боярской писанице в Минусинской котловине (рис. 2). Здесь мы видим в конце ряда срубных построек юртообразное жилище со слегка конусовидным остовом и куполообразным верхом, переходящим в короткую и широкую шейку-дымоход. На остове видны четкие ряды горизонтальных

²¹ Там же.

²² Геродот, IV, 73.

²³ См. С. И. Вайнштейн, Памятники скифского времени в Западной Туве, «Ученые записки Тувинского НИИ языка, литературы, истории», вып. III, Кызыл, 1955, стр. 82—87.

²⁴ «Материалы по истории сюнну», М., 1973, Примечание 147 на стр. 142.

²⁵ Го Мо-жо, Цай Вэнь-цзи, Пекин, 1959 (на кит. яз.). Перевод и разъяснение терминов сделаны по моей просьбе М. В. Крюковым, за что приношу ему глубокую благодарность.

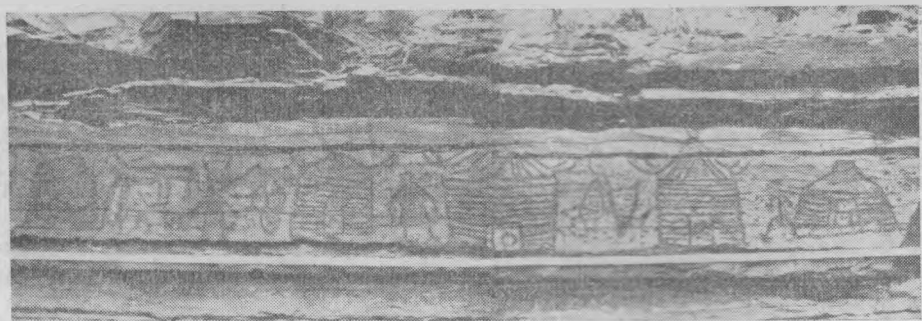

Рис. 2. Фрагмент Малой Боярской писаницы (Минусинская котловина)

полос, которые, очевидно, изображают волосяные веревки, стягивающие остов, сплетенный из ивовых веток. Верхняя часть жилища, по-видимому, покрыта войлоком, скрывающим детали конструкции. По поводу конструкции этого жилища высказывались различные точки зрения. Хотя М. П. Грязнов был прав, отказываясь считать его «войлочной юртой»²⁶, но нельзя согласиться с ним, что это жилище не могло принадлежать кочевникам, так как, по его мнению, в одном поселке не могли находиться постройки оседлого и кочевого населения. Но есть основания полагать, что уже в древности на зимниках у кочевников могли быть наряду с переносными и оседлые постройки.

Следует отметить, что хотя хуннуский тип древнего кочевнического шалаша с полусферическим плетеным остовом и короткой широкой шейкой на куполе не сохранился, но юртообразные постройки с плетеным остовом или его частями были известны у многих народов еще в недавнем прошлом. Жилище с плетеным остовом было, например, у дагестанских кумыков²⁷, а отдельные плетеные детали юрты использовались рядом народов Средней Азии, в том числе джемшидами, у которых еще в XIX в. дверь плелась из ивы²⁸.

Наиболее важный этап развития кочевнического жилища заключался в переходе к разборно-складному решетчатому остову стен жилища. Изобретение юрты и ее распространение относится к середине I тысячелетия н. э. и связано с древнетюркской средой. Это было одним из весьма крупных достижений культуры кочевников, знаменовавших переход от раннекочевнического к позднекочевническому этапу ее развития. Назовем такое жилище (рис. 3; 6, 14—17) юртой древнетюркского типа.

Преимущества юрты по сравнению с другими типами жилища кочевников степей очевидны. Она не нуждается в транспортировке в громоздких повозках, ее можно было быстро собрать и разобрать, сравнительно легко перевезти вьюком в малодоступные ранее места, включая горные пастбища, к которым вели лишь узкие тропы. Размеры юрты зависели от количества звеньев решетки и могли быть весьма большими, не делая ее из-за этого значительно менее транспортабельной. Юрта имела лишь один существенный недостаток сравнительно с предшествующими типами жилищ степных кочевников: ее остов нельзя было изготовлять, как прежде, в каждом кочевом хозяйстве. Изготовление решеток было доступно лишь особым мастерам-ремесленникам. Даже в конце XIX—

²⁶ См. М. П. Грязнов, Боярская писаница, «Проблемы истории материальной культуры», М., 1933, № 7—8, стр. 41—45.

²⁷ С. Ш. Гаджиева, Народное жилище каякентских кумыков, «Сов. этнография», 1953, № 3, стр. 88.

²⁸ Музей антропологии и этнографии, колл. № 4035—45. См. также Э. Г. Гафферберг, Жилище джемшидов Кушкунского района (к истории жилища кочевников), «Сов. этнография», 1948, № 4, стр. 129.

начале XX в. из-за дороговизны решеток семьи многих обездоленных кочевников-бедняков не имели юрты. Например, у тувинцев и алтайцев все богатые скотоводы жили в юртах, в то время как значительная часть бедняков довольствовалась чумами.

Еще с середины I тысячелетия юрта распространилась у кочевников степей очень широко — от Восточной Азии до Восточной Европы. Лишь у кочевых скотоводов к югу от Великого пояса степей юрта не стала преобладающим типом жилища. Здесь у кочевников продолжали господствовать шатер и палатка²⁹. Юрта получила распространение почти исключительно у тюрко-монгольских народов. Ираноязычные кочевники Евразии в процессе тюркизации восприняли юрту; однако любопытно, что, например, в Афганистане (как и в других районах Азии) исконно ираноязычные скотоводы-кочевники не знают юрты, в отличие от живущих здесь же тюркоязычных соседей — кочевых узбеков и туркмен, а также хазара и джемшидов — иранизированных тюрко-монгольских по происхождению групп.

С тюрками в период их экспансии новый тип жилища проник в Китай, где древнетюркская юрта использовалась еще в 630 г.³⁰

В стихотворениях китайского поэта Бо Цзюй-и (772—846 гг.) воссоздан поэтический образ юрты, который вместе с тем дает представление о ее конструкции. Поэт также подтверждает, что юрта пришла в Китай от северных кочевников-тюрков. Из этого стихотворения следует, что ее решетчатый остов сделан из ивы, а войлок, который покрывал юрту, при необходимости скатывали³¹, как это поныне делают кочевники, обнажая решетчатый остов жилища. Купол ее крыши был заострен посередине³².

Не позднее 756 г. выполнен рисунок юрты на лаковой чашечке из г. Нара (Япония), обнаруженной в сокровищнице Сёсоин (рис. 3, а). На рисунке хорошо видна решетка, с внешней стороны покрытая циновками (обычай, сохранившийся у многих кочевых народов степей и до наших дней), за которыми скрыто острие над куполом³³. А. фон Габен полагает, что юрты с округлым куполом появляются уже в XI—XII вв. Свой вывод она основывает на относящихся к этому времени турфанских свидетельствах об округлых хижинах с купольным верхом³⁴. Однако из них отнюдь не следует, что у этих хижин был решетчатый остов.

«Тюркская юрта» (так ее именовали средневековые арабские и собственно тюркские источники, в последних — *тюрк эви*) проникла, по-видимому, еще в конце I тысячелетия к степным племенам Средней Азии, в частности к огузам³⁵. Так, например, Ибн-Фадлан говорит о встреченных им у кочевников «тюркских куполообразных домах» (*кубати биут тюркиа*) из шерсти и войлока³⁶.

²⁹ C. G. Feilberg, *La tente noire*, København, 1944.

³⁰ Liu Mau-Tsai, *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (Tu-Küe)*, Wiesbaden, 1958, Bd. I, S. 470.

³¹ В переводе Лю Мао-Цзая: «Завеса остается изо дня в день скатанной» (Там же).

³² Там же, стр. 471, 472. Прекрасный в художественном отношении перевод стихотворения на русский язык по подстрочнику Лю Мао-Цзая опубликован Л. Н. Гумилевым в его кн. «Древние тюрки» (М., 1967, стр. 72), но с весьма существенными фактическими неточностями. По Бо Цзюй-и юрта «имеет крышу с острием в середине», однако у Гумилева эта строка осталась не упомянутой. Бо Цзюй-и пишет: «Сотни колец соединены». Л. Н. Гумилев переводит: «Сотни две сковали мне колец», но это неверно, так как речь идет не о кованых кольцах, а о поэтическом образе решетки.

³³ W. Spreiser, *China. Geist und Gesellschaft*, Baden-Baden, 1959, S. 158. Детальный анализ рисунка этого жилища дает А. фон Габен: A. von Gabain, *Frühe Zeugen der Scherengitter-Jürte*, «Studia Turcica», Budapest, 1971, S. 169—173.

³⁴ A. von Gabain, Указ. раб., стр. 173, рис. 1—3.

³⁵ С. Г. Агаджанов, Огузские племена Средней Азии IX—XIII вв., в кн.: «Страны и народы Востока», вып. X, М., 1971, стр. 184.

³⁶ А. Н. Ковалевский, Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу, Харьков, 1956, л. 199 об., 207а.

а

Рис. 3. Юрты древнетюркского типа:
 а — рисунок на лаковой чашечке (Япония, не позднее 756 г.); б — фрагмент петроглифа (Монголия); в — фрагмент персидской миниатюры 1315 г.; г — юрта хазарейцев, вид сзади (XX в.); д — глиняный зороастрийский оссуарий, вид сзади (Гос. музей истории культуры и искусства Узбекской ССР им. А. Икрамова, Самарканд), вторая половина I тыс.

б

г

д

Средневековые источники, рисующие огузов IX—XIII вв., характеризуют их юрту как жилище, крытое войлоком, с деревянным решетчатым остовом.

Наряду с юртами жилищами служили чумы шатыр (чашыр) и алячкы и палатки из различных покрытий и деревянных опор. Часть огузов устанавливала свои жилища при перекочевках на телеги³⁷.

Древнетюркский тип юрты с цилиндрическим остовом и куполом, в центре которого над дымовым отверстием имелся конус из перегнутых планок, дожил до наших дней. Жилище этого типа, обнаруженное у афганских хазарейцев (рис. 3, *г*; 6, 17, 17*а*), было впервые описано Э. Г. Гафферберг³⁸. Она сопоставила его с юртами Эджен-хоро (так называемой усыпальницы Чингисхана) в Ордосе³⁹ (рис. 6, 16) и высказала предположение о сходстве их конструкции. При этом Э. Г. Гафферберг сочла возможным рассматривать юрты Эджен-хоро как «по-видимому, старинную форму юрты, сохранившуюся с очень старых времен, возможно даже со времени Чингизхана»⁴⁰. Однако в литературе вопрос о принадлежности реликвий Эджен-хоро к эпохе великого монгольского завоевателя ставился под сомнение. Отмечалось, что прежние реликвии были сожжены еще в XIX в.⁴¹, что большая часть сохранившихся реликвий к эпохе Чингисхана отнесена быть не может⁴². Однако, судя по фотографиям юрт Эджен-хоро, они вполне могли существовать у монголов в XIII в., так как в древнетюркской среде такой тип распространился еще в середине I тысячелетия, а у монголов, судя по рисунку юрты на изображении процессии монгольского двора на персидской миниатюре, датированной 1315 г., он был известен и в начале XIV в. (рис. 3, *в*)⁴³. Что же касается юрты хазарейцев, то она может быть сопоставлена с зороастрийским оссуарием из Самаркандского музея (рис. 3, *д*)⁴⁴, который датируется второй половиной I тысячелетия. Судя по форме этого уникального оссуария с коническим куполом, заостренным посредине, и символическим рисунком крупной решетки на стенах, он изображает юрту древнетюркского типа⁴⁵. Попутно хотелось бы отметить чрезвычайно любопытный факт: на задней стене юрты хазарейцев нашита орнаментированная полоса, идущая вертикально от ее основания до кровли, как бы изображая своеобразную кариатиду с раскинутыми и поднятыми вверх руками⁴⁶. Совершенно аналогичную орнаментальную полосу мы видим на задней стенке оссуария — «юрты».

Есть все основания предполагать в хазарейской юрте не только реликт жилища монголов XIII в., но и более архаичного жилища — древ-

³⁷ С. Г. Агаджанов, Указ. раб., стр. 185.

³⁸ Э. Г. Гафферберг, Хазарейская юрта ханаи хырга, «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. XIV, М.-Л., 1953.

³⁹ Г. Н. Потанин, Поминки по Чингис-хане, «Изв. Русского географического общества», т. XXI, 1885.

⁴⁰ Э. Г. Гафферберг, Хазарейская юрта ханаи хырга, стр. 91.

⁴¹ Ц. Жамцарано, Поездка в Южную Монголию в 1909—1910 гг., «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях», Серия II, № 2, Спб., 1913.

⁴² С. Д. Дылыков, Эджен-хоро, в кн.: «Философия и история монгольских народов», М., 1958.

⁴³ F. R. Martin, The miniature paintings and painters of Persia, India, and Turkey from the 8th to the 18th century, vol. II, London, 1912, pl. 43.

⁴⁴ Гос. музей истории культуры и искусства Узбекской ССР им. А. Икрамова, колл. А-403-1 (КП—1779). Дирекция музея предоставила мне приведенную в статье фотографию оссуария; пользуюсь случаем выразить за это глубокую благодарность.

⁴⁵ В разных районах Средней Азии, Казахстана, Болгарии было найдено несколько оссуариев, имеющих юртообразную форму. См., например, Т. Н. Семенова, Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI—VIII вв.), в кн.: «Новое в археологии Казахстана», Алма-Ата, 1968, стр. 54. рис. 1—7; Ж. Н. Выжарова, Памятники Болгарии конца VI—XI вв. и их этническая принадлежность, «Сов. археология», 1968, № 3 и др. Однако в какой мере они изображают юрту, т. е. жилище с цилиндрическим решетчатым остовом, неясно, так как решетка на стенах не изображалась.

⁴⁶ Э. Г. Гафферберг, Хазарейская юрта ханаи хырга, рис. 13.

нетюркской юрты. Сопоставляя имеющиеся материалы, можно сделать вывод, что у древнетюркской юрты решетки стен были сделаны из ивовых палочек (решетки, вероятно, нередко устанавливали в два ряда — одну над другой, увеличивая тем самым высоту стен); коническую или полусферическую крышу делали из прямых или выгнутых жердей, низ которых скреплялся с решеткой остова, а верх — с обручем дымового отверстия; с ним же скреплялись концы перегнутых и связанных сверху планок, создававших впечатление своеобразного заострения купола (подобно конструкции хазарейской юрты, см. рис. 6, 17 а). По всей вероятности, изображения юрт древнетюркского типа сохранились среди петроглифов Ульзит-сомона в Монголии. В центре куполов юртообразных жилищ мы видим узкие возвышения, а с верхнего края остова как бы свисают короткие веревки для подвязывания приподнятых войлочных покрышек (рис. 3, б). Опубликовавшие эти рисунки Д. Дорш и Э. А. Новгородова вряд ли правы, утверждая, что это жилища «на пяти подпорках с островерхой крышей и торчащей из нее трубой»⁴⁷.

У других народов юрты, подобные хазарейской, не описаны, но, судя по фотографии жилища алтайских найманов, опубликованной А. Н. Самойловичем, оно также имело конусовидный купол, завершавшийся островерхим перекрытием дымового отверстия⁴⁸. Возможно, что подобный тип жилища сохранился и у некоторых других народов, его выявление представило бы значительный интерес.

Какой же тип жилища мог послужить прототипом древнетюркской юрты? Н. Н. Харузин считал таковым модифицированный чум, у которого верхние концы жердей надломаны, образуя внизу вертикальный цилиндрический остов, а сверху конус. Как пример Харузин приводил шалаш чулымских тюрок, описанный в XVIII в. Палласом. Далее, считал Харузин, был совершен переход от надламывания жердей к привязыванию их к кольям остова, пример чему он видел в шалаше алтайцев, описанном В. Радловым⁴⁹. Близки Н. Н. Харузину и точки зрения ряда других исследователей, в частности Э. Г. Гафферберг, которая рассматривала в качестве прототипа юрты шалаш джемшидов, остов которого состоял из цилиндрической стены, образованной из вертикально вбитых в землю кольев, и крыши — пологого конуса из деревянных же, более тонких, жердей. Последние внизу привязаны к кольям, а сверху связаны вместе⁵⁰. Б. Х. Кармышева высказала любопытную точку зрения о том, что исходной формой «тюркской юрты» является тип жилища, характерный для карлуков — «карлукская юрта», остов которой состоит из жердей, согнутых в дугу⁵¹. Как мы отметили выше, шалаш из согнутых дуг был скорее прототипом плетеного шалаша хуннского типа.

Вместе с тем следует иметь в виду, что некоторые современные юртообразные постройки, которые Н. Н. Харузин и некоторые другие авторы рассматривали как прототип юрты, в действительности не только не были таковыми, но, напротив, сами возникли под ее влиянием после ее распространения и укоренения в быту кочевников. Известно, что у кочевых народов описаны юртообразные жилища без решетчатых остовов — сооружения, в которых стремились приблизить форму к привычному облику юрты. Так, у ряда народов, переходивших к оседлости, были широко распространены многоугольные срубы, генетическая связь которых с юртой бесспорна. Бедняки у сагайцев заменяли решетчатые остовы в

⁴⁷ Д. Дорш, Э. А. Новгородова, Петроглифы Монголии, Улан-Батор, 1975, стр. 32.

⁴⁸ А. Н. Самойлович, Казахи Кошагачского аймака Ойротской автономной области, в кн.: «Казаки», Л., 1930, рис. 3.

⁴⁹ Н. Харузин, Указ. раб., стр. 22, 23.

⁵⁰ Э. Г. Гафферберг, Жилище джемшидов Кушкинского района (к истории жилища кочевников).

⁵¹ Б. Х. Кармышева, Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана, «Известия Отделения общественных наук Таджикской ССР», вып. 10—11, Сталинабад, 1956, стр. 23.

Рис. 4. Жилища половцев: а, б — миниатюры Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи; в — реконструкция остова половецкого наземного шалаша (все реконструкции в данной статье выполнены автором, подготовлены к печати художницей М. Р. Семашкевич)

своих жилищах кольями и досками⁵², а кызыльцы для этой же цели применяли поставленный по кругу плетень⁵³, заимствованный у русских. Подобным же образом в лесостепных районах могли видоизменяться и конические шалашы (надламывали жерди, привязывали жерди к кольям и т. п.). Несомненно, что за длительное время, прошедшее после изобретения древнетюркской юрты, могли сложиться новые типы жилищ, которые создавали кочевники-бедняки. Хотя они были гораздо менее удобными, но сравнительно более простыми по конструкции и доступными для изготовления в условиях домашнего производства любой кочевой семьи. Таковыми, по всей вероятности, были отмеченные выше и шалашы чулымских тюрок и джемшидов.

Есть все основания считать прототипом юрты описанный выше хуннуский тип жилища кочевников — полусферический шалаш с плетеным остовом. Переходной формой должно было стать жилище, конструкция которого состояла бы из цилиндрических плетеных стен и крыши из выгнутых или прямых жердей, низ которых скреплялся со стенами, а верх был связан. Такие переходные типы жилищ не дожили до наших дней, однако их существование в прошлом более чем вероятно. Возможно, что одна из разновидностей этого типа жилищ сохранилась спустя века в жилище половцев, запечатленном на миниатюре Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи⁵⁴. Здесь наряду с кибитками на повозках — знаменитые вежи половцев (рис. 4) мы видим на втором плане (рис. 4, а) наземное жилище, имеющее, по всей вероятности, остов из цилиндрических плетеных стен, конической крыши из жердей, завершающейся дымовым кругом со сферическим перекрытием из согнутых планок⁵⁵.

⁵² А. А. Попов, Указ. раб., табл. 16, рис. 3.

⁵³ Там же, табл. 17, рис. 2.

⁵⁴ «Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись», т. I (фототехническое воспроизведение рукописи), Спб., 1902, рис. на л. 232 об., 237 об., 242 об.

⁵⁵ Л. Г. Нечаева (Указ. раб., стр. 37) полагает, что здесь изображен «шаровидный предмет», которым закрывалась труба. Но трудно представить себе, что люди регулярно забирались на верх жилища, чтобы закрывать трубу таким предметом. Этнография не знает подобных приспособлений. Перекрытие дымового круга здесь без труда могло покрываться войлочной накидкой, как это делается на юртах.

Возникнув в середине I тысячелетия, древнетюркская юрта как узко-специализированная форма претерпела в последующие века сравнительно небольшие изменения, однако они несмотря на несомненный интерес оставались почти совершенно неизученными.

Дальнейшая эволюция форм юрты с XIII в. была в значительной мере связана с развитием материальной культуры в мире монгольских кочевников и подчиненных им народов.

Среди источников для характеристики жизни монголов этого времени важное место занимает «Сокровенное сказание», или «Секретная история монголов», написанная в 1240 г.⁵⁶ Мы находим здесь упоминание нескольких типов жилищ: 1) неразборного жилища на телегах; 2) войлочной разборной решетчатой юрты; 3) дворцового жилища; 4) чума; 5) шалаша из ветвей. Упомянуты также крытые повозки.

Повозки для жилищ именуются *кер* (*гэр*) *теркен*⁵⁷. Яркое описание монгольских жилищ на повозках дано Рубруком⁵⁸. Для юрты в одном случае встречается название *чорган кер*⁵⁹, которое Козин переводит как «крутоверхие юрты»⁶⁰. Может быть дан другой перевод: «островерхие юрты», предлагая который я исхожу из монгольского шор — «вертел», «заостренная палочка». Название дворцового жилища *ордо кер*⁶¹ разъясняется из монгольского *орд*⁶².

Чум *алачуг*⁶³ упоминается лишь один раз в «Сокровенном сказании» как жилище табунщиков. Козин переводит алачуг как шалаш⁶⁴; мне думается, что речь идет о коническом шалаше с остовом из жердей, т. е. о чуме. Слово это не монгольское, а тюркское. У тюрков Северной Азии — соседей монголов — этим словом обозначается чум. Наконец, в «Сокровенном сказании» упоминается шалаш *ембулле*⁶⁵, а также жилище из ивовых веток — *бургасун кер*⁶⁶.

Для истории кочевого жилища представляют интерес и другие названия жилища в «Сокровенном сказании». У тангутов жилище названо *терме гер*⁶⁷. *Терме* в современном монгольском языке означает «решетка»⁶⁸. *Терме* — название для решетки юрты у западных монголов, и в древней форме *терме*, *тербе* сохранилось у тувинцев, алтайцев, юраков и некоторых других народов. Между тем применительно к жилищу собственно монголов в «Сокровенном сказании» ни разу не употреблено подобное название⁶⁹.

⁵⁶ С. А. Козин, Сокровенное сказание, Монгольская хроника 1240 г. ..., т. I, М., 1941 (далее — ССК).

⁵⁷ ССК, § 232. В «Сокровенном сказании» упоминается также термин *qara'utai tergen* (ССК, § 6), который С. А. Козин переводит как «крытый возок»; близкий ему термин в летописи «Алтан тобчи» (содержащей более поздний пересказ «Сокровенного сказания») *qarqudai tergen* Н. П. Шастина переводит — «повозка с козырьком» или «повозка с навесом» (Лубсан Данзан, Алтан тобчи, М., 1973, прим. 18 на стр. 306).

⁵⁸ В. Рубрук, Путешествие в Восточные страны, в кн.: «Путешествия в восточные страны Плано Карлини и Рубрука», М., 1957, стр. 91—92.

⁵⁹ ССК, § 115, Н. П. Шастина переводит этот термин в «Алтан тобчи» — «юрта, имеющая выступающую верхнюю часть» (Лубсан Данзан, Указ. раб., прим. 43 на стр. 329).

⁶⁰ ССК, § 105.

⁶¹ ССК, § 232.

⁶² В современном монгольском языке *орд*, *ордон* — дворец («Монгольско-русский словарь», М., 1957, стр. 304). Чан-чунь, посетивший монголов в XIII в., писал: «орда, по-нашему сказать, — походный дворец» (см. В. В. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 45).

⁶³ ССК, § 118.

⁶⁴ ССК, стр. 106.

⁶⁵ ССК, § 24.

⁶⁶ ССК, § 103. Речь, судя по контексту памятника, идет, несомненно, о шалаше, а не о юрте.

⁶⁷ ССК, § 265, 266.

⁶⁸ К. В. Вяткина, Монголы Монгольской Народной Республики, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 60, М.—Л., 1960, стр. 184.

⁶⁹ В «Сокровенном сказании» в похвале гвардии Чингисхана его жилище носит название *siltsetuai k'er* (ССК, § 230). С. А. Козин это название переводит в трех разных

С. А. Козин переводит термин *терме кер* как «решетчатая юрта»⁷⁰, Н. П. Шастина — как «юрта с острой (конической) верхушкой»⁷¹. Для кочевых тангутов основным жилищем служит войлочная палатка⁷².

Отметим, что «Сокровенное сказание» не только не дает общего термина для решетчатой юрты монголов, но и не содержит определенного названия дымового круга юрты, ее верхнего отверстия. Мы не встречаем в монгольской хронике ни позднейшего западно-монгольского названия дымового круга *хараача*, ни термина *тоно*, характерного для современных халха-монголов. Юрты названы здесь также *орукетий кер*⁷³, т. е. «имеющие верхнее отверстие», вероятно, в отличие от неразборных жилищ на повозках, увенчанных сверху трубой-шейкой.

Если о жилищах тюрко-монгольских кочевников до XIII в. мы можем судить главным образом на основании косвенных свидетельств, то развитие юрты в последующие столетия освещено значительно более широким кругом источников.

Важным источником для суждения о жилищах монголов XIII в. служат свидетельства европейских и китайских путешественников. Последние, к сожалению, для разработки этой проблемы почти не привлекались. Китайские послы Пэн Да-я и Сюй Тин побывали у степных монголов ранее европейских путешественников — в 30-х годах XIII в. Они обратили внимание на неразборные жилища на повозках (ср. «Сокровенное сказание» *кер теркен*). Эти жилища имели круглые стены, сплетенные из ивовых прутьев и обвязанные волосяными веревками. Их покрывали войлоком. Повозки тащили быки, лошади или верблюды⁷⁴. Дополняя эти сведения наблюдениями Рубрука, можно сделать вывод, что верхняя часть каркаса жилища завершалась кругом «в виде маленького колеса», над которым возвышалась «шейка наподобие печной трубы»⁷⁵. Жилища-повозки достигали огромных размеров, отдельные повозки с жилищами тащили десятки быков⁷⁶. Согласно Рубруку, во время стоянок такое жилище снималось с повозки и устанавливалось на земле. Оно обычно стояло между двумя рядами повозок, на которых были установлены сплетенные из прутьев и крытые войлоком ящики с имуществом⁷⁷. Рисунок, относящийся, по всей вероятности, к монгольскому времени и изображающий такое неразборное жилище с шейкой, стоящее между повозок с «ящиками», был найден на горе Манхай в Прибайкалье и подробно описан А. П. Окладниковым (рис. 6, 12)⁷⁸.

Эти неразборные монгольские жилища на повозках (рис. 6, 13) со-

---

местах указанной работы по-разному: сетчатая юрта (стр. 171), решетчатая юрта (стр. 172), плетеная юрта (стр. 603).

⁷⁰ ССК, стр. 190.

⁷¹ Лубсан Данзан, Указ. раб., стр. 237 (Н. П. Шастина ссылается на глоссу *segm-e-tei ger*).

⁷² Н. М. Пржевальский, Монголия и страна тангутов, М., 1946, стр. 224.

⁷³ ССК, § 230.

⁷⁴ «Краткие сведения о черных татарах Пэн Да-я и Сюй Тина. Публикация Лань Кюн-и и Н. Ц. Мункуева», «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, стр. 137, 138.

⁷⁵ В. Рубрук, Указ. раб., стр. 91.

⁷⁶ В. Рубрук, Указ. раб., стр. 91. Г. Юл — английский комментатор путешествия Марко Поло — предложил, на наш взгляд, наиболее близкую к действительным формам реконструкцию монгольского жилища на повозках (см. Н. Yule, The book of ser Marco Polo, London, 1903, vol. I, p. 255, pict.). Неоднократно высказывалось мнение, что характерные для половецких вежей дымоходы в виде длинных и узких рукавов аналогичны монгольским жилищам с шейкой, описанным Рубруком (см., например: С. А. Плетнева, Печенеги, тюрки, половцы в южнорусских степях, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 62, М.—Л., 1958, стр. 200). Из изложенного выше очевидно, что для такого вывода нет достаточных оснований.

⁷⁷ В. Рубрук, Указ. раб., стр. 92.

⁷⁸ А. П. Окладников, Археологические данные о появлении первых монголов, в кн.: «Филология и история монгольских народов», М., 1958, стр. 208—210; А. П. Окладников, В. Д. Запорожская, Ленские писаницы, М.—Л., 1959, стр. 137, 138, рис. 65.

храняли, вероятно, конструкцию шалашей хуннского типа, распространяющуюся у кочевников еще в конце I тысячелетия до н. э.

Но уже с 30-х годов XIII в. монголы несомненно знали и разборную решетчатую юрту. Доказательством появления у монголов такой юрты служат сведения, приводимые как китайскими, так и европейскими путешественниками. Особенно интересны в этом отношении свидетельства Пэн Да-я и Сюй Тина. Они пишут, что у монголов «куполообразные хижины бывают двух видов» и указывают, что наряду с неразборными жилищами на повозках были жилища, у которых каркас «сворачивается и разворачивается». Он сделан из ивовых прутьев и «совершенно похож на сито». Его «верх (изнутри) похож на каркас зонта». Вверху имеется отверстие. Юрта покрывается войлоком. А при перевозке транспортируется выюком на лошадях⁷⁹. Эти сведения дополняются наблюдениями Платона Карпини, из которых следует, что двери делались из войлока, а круглое отверстие вверху жилища служило источником света и дымоходом⁸⁰. Из свидетельств другого китайского путешественника Чан Чуня можно сделать вывод, что разборные юрты монголы предпочитали покрывать, как и много позднее, белым войлоком⁸¹.

Решетчатая разборная юрта получила распространение у монголов, будучи, вероятно, заимствованной ими у тюрков⁸². О позднем заимствовании решетчатой юрты монголами, помимо указанных выше соображений, косвенно свидетельствует сообщение Сюй Тина о том, что во время его пребывания среди черных татар решетчатые юрты делали для них в Яньцзине (Пекин), сами же они умели делать лишь неразборные жилища. Он писал: «В тех (шатрах), которые изготавливаются в степях, круглые стены сплетаются из ивовых прутьев и закрепляются волосяными веревками. (Они) не сворачиваются и не разворачиваются, а перевозятся на повозках»⁸³. В этом сообщении нет ничего неожиданного, если учесть, что китайцы познакомились с решетчатой юртой древних тюрков еще в VII в., причем она приобрела в Китае известную популярность. Изготовление решетчатых юрт требовало высоких навыков. Нельзя не учитывать и того, что еще в XIII в. в значительной части монголы были лесными племенами⁸⁴. Позднее, овладев секретом изготовления таких решетчатых юрт, монгольские мастера делали их на продажу. По свидетельству Радлова, в середине XIX в. хорошие решетчатые остовы юрт на Алтае были монгольского производства⁸⁵.

Для суждения о развитии форм юрты у евразийских кочевников со второй половины XIII в. могут быть использованы их изображения на персидских миниатюрах и китайских рисунках. Есть все основания полагать, что монгольские ханы и подражавшая им высшая монгольская аристократия на всем пространстве подвластных им земель жили в юртах сходной конструкции. Изменения в устройстве ханских юрт быстро заимствовались высшей знатью. Поэтому изучение изменения форм юрт монгольских ханов и кочевой аристократии в XIII—XVI вв. представляет значительный интерес для сравнительно-типологического исследования истории жилища кочевников в это время.

⁷⁹ «Краткие сведения о черных татарах...», стр. 138.

⁸⁰ Платон Карпини, История монголов, «Путешествия в восточные страны...», стр. 27.

⁸¹ «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV, СПб., 1866, стр. 287, 288.

⁸² Сделанный мною в 1969 г. вывод о том, что монголы заимствовали юрту у тюрков (см. С. И. Вайнштейн, Происхождение и историческая этнография тувинского народа, стр. 32) разделяется ныне и другими исследователями. См., например, Л. Р. Кызласов, Ранние монголы, в кн.: «Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века», Новосибирск, 1975, стр. 173.

⁸³ «Краткие сведения о черных татарах...», стр. 138.

⁸⁴ В. Владимиров, Указ. раб., стр. 45; Рашид ад-Дин, Указ. раб., т. I, стр. 123.

⁸⁵ W. Radloff, Aus Sibirien, Bd I, Leipzig, 1884, S. 268, 269.

На персидской миниатюре, относящейся к началу XIV в. (1315 г.), изображающей процессию монгольского двора, мы видим юрту древнетюркского типа с островерхим куполом. На рисунке показана высокая юрта, у основания купола которой часть остова прикрыта не войлоком, а какой-то иной, более легкой декоративной тканью (рис. 3, в; 6, 15). Возможно, что стены юрты имели два ряда решеток, благодаря чему достигалась ее сравнительно большая высота.

Следовательно, можно полагать, что и ранее, в XIII в., монгольские ханы, в том числе Чингисхан, пользовались юртами древнетюркского типа. По всей вероятности, форма юрты монгольского завоевателя была близка той, которая сохранилась среди жилищ упомянутой выше так называемой «усыпальницы Чингисхана» в Эджен-хоро.

В XIV — начале XV в. в конструкции купола юрты происходят изменения. Заостренное перекрытие дымового отверстия на куполе юрты становится уже нехарактерным для жилища кочевников, особенно их аристократии. Появляются новые типы юрт, в том числе высокие и вместительные жилища кочевой знати. На рисунках на свитке минского времени (XIV—XVII вв.) с описанием путешествия китайки Цай Вэн-ци к гуннам анонимный художник изобразил с большим мастерством и точностью быт современных ему монголов-кочевников (рис. 5, а, б) и в том числе два типа юрт (рис. 5, а)⁸⁶. Слева — жилище, принадлежавшее, вероятно, рядовому кочевнику; оно имеет решетчатый цилиндрический остов и конический купол — «монгольская» юрта по современной терминологии (ее реконструкция: рис. 6, 22, 23). Справа — жилище хана: юрта трехъярусная с решетчатым цилиндрическим остовом стен и округлым куполом, над которым поднимается высокий сферический купол меньшего диаметра (ее реконструкция: рис. 6, 20, 21). Подобные жилища изображены и на других рисунках (рис. 5, в)⁸⁷. В куполе трехъярусной юрты этого типа мы видим отверстие для света и вентиляции, но сделано оно не в середине купола, а несколько вынесено вперед. Решетчатые стены юрты покрывались циновками, летом сверху еще декоративной тканью, а зимой войлоком. Ткань и войлок можно было закатывать вверх. У входа иногда сооружали высокий парадный полог, опиравшийся на столбы. Последний тип юрты (мы называем его позднемонгольским — рис. 6, 20, 21), ныне не известный ни одному из кочевнических народов, получил распространение, вероятно, лишь в конце XV в. Близкое по конструкции, но типологически несколько более раннее жилище находим на персидском рисунке, изображающем Тимура на троне (1467)⁸⁸. Оно также имеет округлый купол, над которым возвышается второй сферический купол. С последнего частично приподнята войлочная крышка, благодаря чему становится понятной его конструкция, состоящая из высоких перекрещивающихся полукруглых дуг, возвышающихся над широким дымовым отверстием (ее реконструкция: рис. 6, 18, 19). Любопытно, что в этом типе юрты по традиции купол еще увенчан небольшим острием, но оно уже не связано с характером конструкции дымового круга, а несет, по-видимому, только декоративные функции (возможно, это лишь деревянный конус, укрепленный над согнутыми дугой планками дымового круга).

⁸⁶ Го Мо-жо, Указ. раб., рис. 3—7, 9, 10. Свиток хранится в Нанкинском музее.

⁸⁷ Приведенный здесь фрагмент рисунка (рис. 5, в) из частного собрания в Нью-Йорке опубликован М. Дьямондом, который высказывает предположение о его датировке второй половиной XIII в. См. M. Diamond, *Mongol prototypes of Anatolian rugs of the XIV and XV centuries*, «Atti del secondo congresso internazionale di arte Turca», Napoli, 1965, p. 61—64. Однако такая датировка представляется недостаточно аргументированной. Этот рисунок, как и аналогичный на упомянутом свитке из Нанкинского музея, иллюстрирует путешествие китайки Цай Вэн-ци и от последнего почти ничем не отличается. Судя по изображению юрты рисунок не мог быть выполнен ранее XV в.

⁸⁸ F. R. Martin, Указ. раб., т. II, табл. 69.

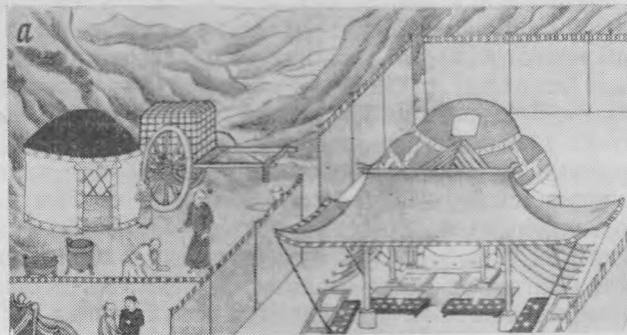
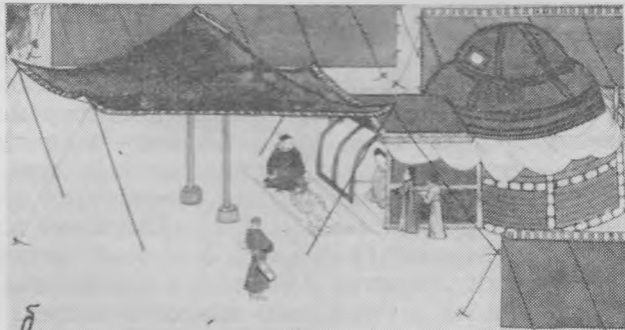
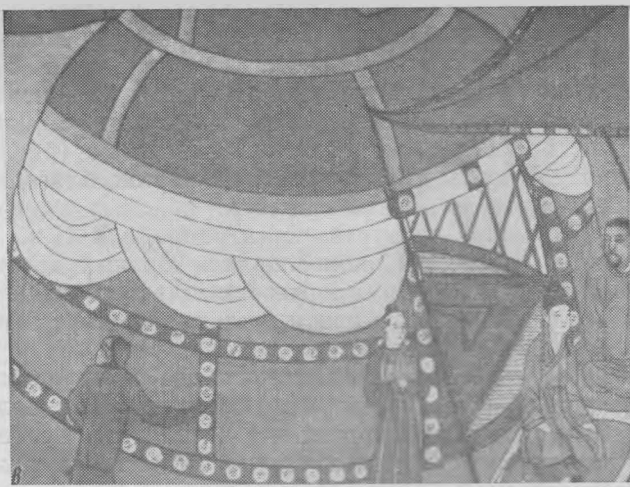

Рис. 5. Изображения юрт на китайских рисунках: *а, б* — фрагменты рисунков анонимного художника на свитке минского времени (Нанкинский музей, КНР); *в* — фрагмент рисунка из частного собрания (Нью-Йорк)

Высокий-сферический купол на ханской юрте, запечатленный художником минского времени в монгольских степях, а в рисунке персидского мастера — на юрте Тимура, был прототипом позднейшего выпуклого перекрытия в юртах.

Уже в XVI в. полукруглое возвышение над куполом юрты конструктивно меняется, становится гораздо приземистее и приобретает формы, характерные для современной юрты тюркского (рис. 6, 24, 25) и монгольского (рис. 6, 27—29) типов⁸⁹. Об этом также свидетельствуют пер-

⁸⁹ Следует отметить, что в XIX — начале XX в. у ряда тюркоязычных народов (башкиры, киргизы, казахи и др.) встречались юрты как тюркского, так и монгольско-

сидские миниатюры⁹⁰. По всей вероятности, процесс изменения формы верхней части купола юрты протекал у кочевников на широких пространствах евразийских степей от Восточной Европы до Центральной Азии. Это обстоятельство позволяет нам также датировать концом XV — первой половиной XVI в. (по изображенному на нем жилищам кочевников) упомянутый выше чрезвычайно интересный в историко-этнографическом отношении анонимный китайский свиток минского времени, посвященный жизни поэтессы Цай-Вэнь-цзи.

Юрты с округлым сферическим куполом, образованным изогнутыми планками, именуемые в этнографической литературе тюркскими, исчезают у монголов, по-видимому, уже в XVI в. Возможно, что этот процесс был обусловлен большей устойчивостью монгольского типа юрты по сравнению с тюркским в условиях сильных степных ветров, столь характерных для Центральной Азии. О большей устойчивости первого пишет и Г. Н. Потанин. «Монгольская юрта» с ее коническим верхом, указывает Потанин, «по созданию самих киргизов» устойчивее тюркской и лучше выносит удары ветра⁹¹. У монголов и тех народов, которые испытали сильное влияние монгольской культуры, распространяются юрты с коническим куполом.

Для суждения о времени появления юрт монгольского типа значительный интерес представляет упомянутый выше рисунок (рис. 5, а), на котором недалеко от трехъярусной юрты показана юрта с коническим куполом, близкая по своим очертаниям к современным юртам монгольского типа, ближайшим прототипом которых ее, по всей вероятности, и можно считать. Этот рисунок позволяет сделать вывод, что оба типа юрт очевидно сосуществовали уже в конце XV в.

Итак, на основании сравнительно-типологического анализа различных источников, в том числе этнографических, письменных и археологических, мы пришли к выводу о достаточно сложном генезисе жилища кочевников степной зоны Евразии, результатом чего явилось изобретение в середине I тысячелетия н. э. чрезвычайно приспособленной к кочевому быту узкоспециализированной его формы — юрты. В середине I тысячелетия н. э. завершается формирование хозяйственно-культурного типа (ХКТ) кочевых скотоводов евразийских степей, переход от раннекочевнического этапа к позднему этапу этого ХКТ⁹². В области материальной культуры этот переход ознаменовали такие достижения, как изобретение и распространение юрты и наиболее приспособленных к кочеванию в степях форм утвари, жесткого седла и стремян⁹³, сыгравших важную роль в развитии транспорта и военного дела и др., а в сфере духовной культуры — появление письменности и литературы, распространение «великих религий» и др. Все это — конкретные свидетельства

го типов. У монголоязычных народов (монголов, бурят, калмыков) встречались юрты только монгольского типа.

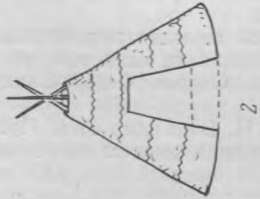
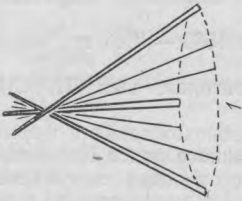
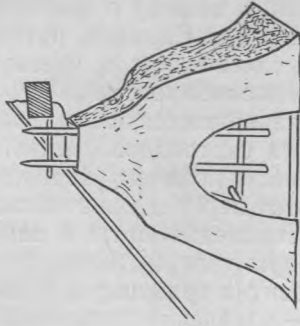
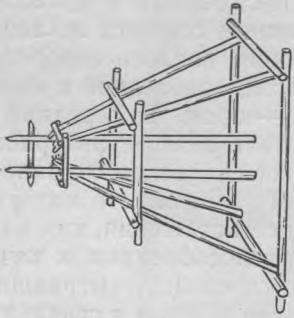
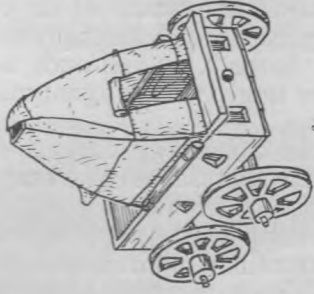
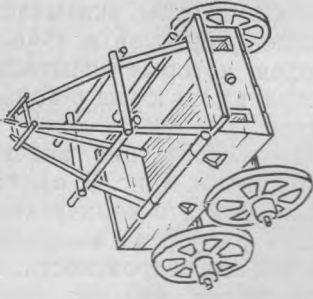
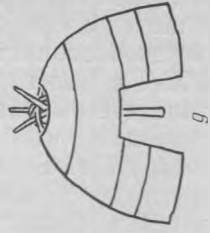
⁹⁰ Например, на одной из миниатюр, относящихся к 1539 — 1543 гг., мы видим их изображение. См.: F. R. Martin, Указ. раб., pl. 134.

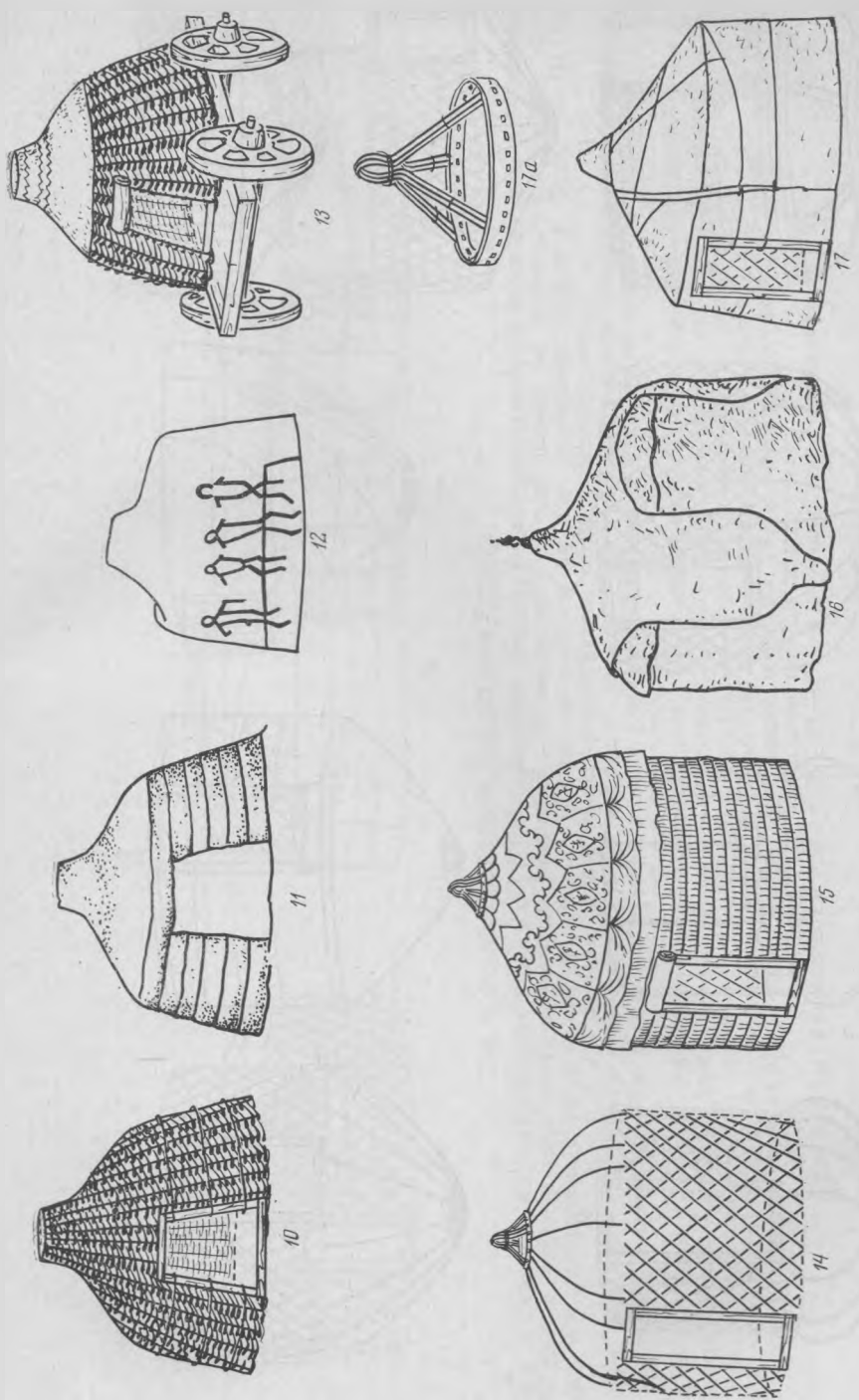
⁹¹ Г. Н. Потанин, Очерки Северо-Западной Монголии, вып. II, СПб., 1881, стр. 108.

⁹² Подробнее см.: С. И. Вайнштейн, Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии, М., 1973. Следует сказать, что, хотя поздний этап ХКТ кочевых скотоводов евразийских степей сложился у большей части номадов этой зоны в середине I тысячелетия, но у некоторых, из них, в частности у монголов, переход к нему по разным причинам произошел значительно позднее. В условиях раннего этапа ХКТ кочевых скотоводов развитие их материальной культуры в процессе ее приспособления к кочевому хозяйству и быту, а также к экологическим условиям среды обитания шло сравнительно быстрее, чем в условиях сформировавшегося ХКТ, когда уже сложились ее весьма узкоспециализированные формы и возможности их дальнейшего совершенствования были ограничены, что отражало общие закономерности развития кочевничества.

⁹³ См.: С. И. Вайнштейн, Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, «Сов. этнография», 1966, № 3; А. К. Амброз, Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (VI — VIII вв.), «Сов. археология», 1973, № 4.

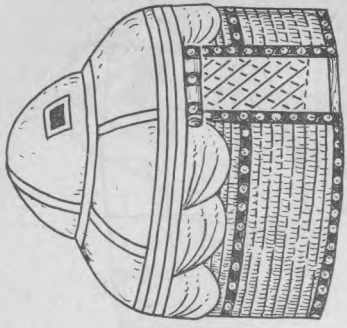

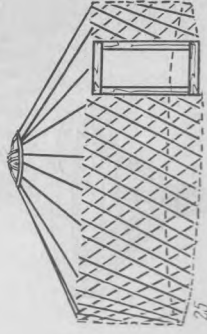
II

III

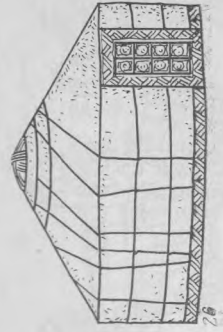
Рис. 6. Жилища кочевников степной зоны Евразии

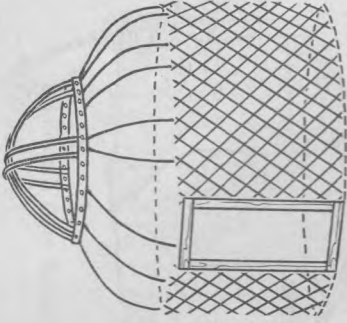
21

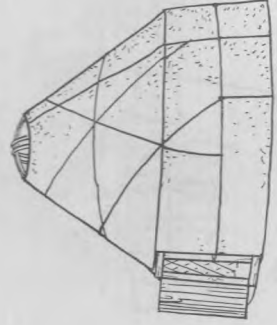
25

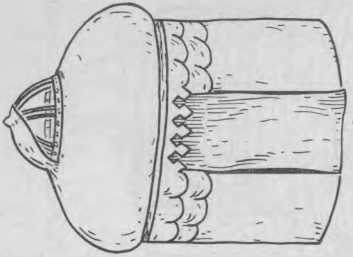
26

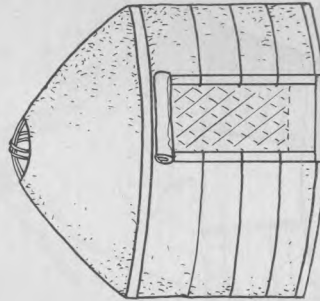
20

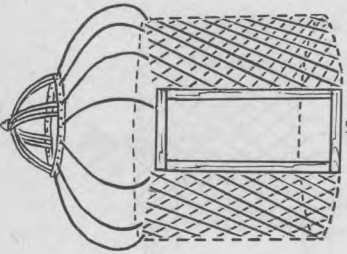
24

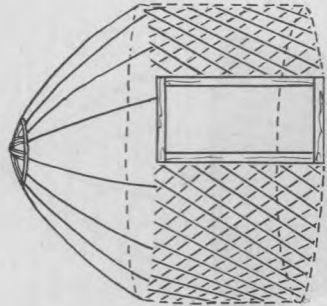
19

23

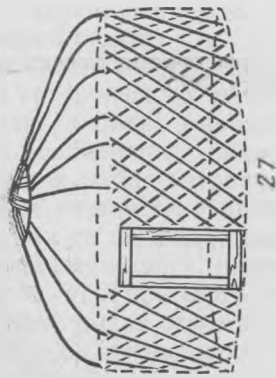
18

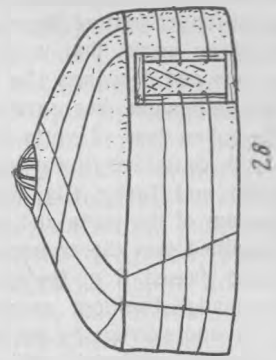
22

IV

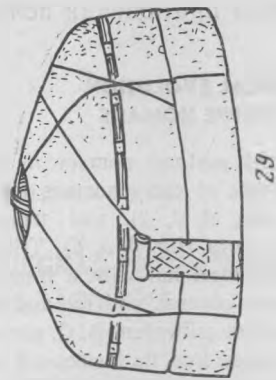
V

27

28

29

Рис. 6. Жилища кочевников степной зоны Евразии

I — Шалаши кочевников скифского мира: 1, 2 — конический шалаши, реконструкция остова и внешнего вида; 3, 4 — пирамидально-усеченный шалаши, реконструкция остова и внешнего вида; 5, 6 — пирамидально-усеченный шалаши на повозке, реконструкция остова и внешнего вида; 7 — гравированный рисунок полусферического шалаши на костяном амулете (Могильник Кзылтан, Тува, V—III вв. до н. э.); 8, 9 — полусферический шалаши, реконструкция остова и внешнего вида.

II — Шалаши хуннуского типа: 10 — реконструкция внешнего вида; 11 — рисунок на петроглифе (Забайкалье); 12 — рисунок на петроглифе (Манусинская котловина, рубеж н. э.); 13 — реконструкция внешнего вида шалаши на повозке у монголов XIII в.

III — Юрты древнетюркского типа: 14 — реконструкция остова; 15 — внешний вид юрты монгольской знати в конце XIII — начале XIV в., реконструкция; 16 — юрта из Эджен-Хоро (Внутренняя Монголия); 17, 17a — юрта хазарейцев и реконструкция ее дымового круга.

IV — Юрты позднемонгольского типа: 18, 19 — юрта монгольской знати в середине XV в., реконструкция остова и внешнего вида; 20, 21 — юрта монгольской знати в конце XV — первой половине XVI в., реконструкция остова и внешнего вида.

V — Юрты монгольского типа: 22, 23 — юрта конца XV — первой половины XVI в., реконструкция остова и внешнего вида; 24—26 — современные юрты, остова и внешний вид.

VI — Юрты тюркского типа: 27—29 — остова и внешний вид современных юрт

несостоятельности устаревшей и противоречащей современным достижениям науки ⁹⁴ концепции об изначальной неспособности кочевых скотоводческих народов к культурному развитию, об отсутствии какого-либо существенного прогресса в их культуре на протяжении почти всей истории кочевничества.

PROBLEMS IN THE HISTORICAL EVOLUTION OF THE DWELLINGS OF STEPPE NOMADS

Problems in the evolution of the dwellings of pastoral nomads in the steppe zone of Eurasia are examined in the paper. Characteristic of early nomads in East European steppes (Scythians and others) were conical (fig. 6, 1, 2) and truncated-pyramidal (fig. 6, 3, 4) huts; these last were transported in carts (fig. 6, 5, 6). Tribes of the «Scythian world» in Central Asia used also a semi-spherical hut with a framework of a few poles bent into arches (fig. 6, 7, 9). The huts were covered with felt and other materials. The Central Asian Hunnu had at the close of the first millenium B. C. already been using a non-collapsible semi-spherical hut with a neck-shaped flue, its framework woven of withes (fig. 6, 10).

In the middle of the first millenium A. D., the yurta came into wide use among Central Asian nomads (the author applies this term only to a type of dwelling having for walls a collapsible trellised framework). The author distinguishes several types in the evolution of the yurta. The early Turkic type had in the upper part of the cupola a kind of pointed edge formed by some small planks, bent at an angle, that were fixed into the circular outlet for smoke. This type, whose descriptions and drawings (fig. 6, 14—17) are known since early in the second half of the first millenium, has survived among the Afghan Khazara until modern times. The late Mongolian type of yurta (fig. 6, 18—21) has been widespread since the late 15th — early 16th centuries. It was gradually ousted by yurtas of the modern Mongolian (fig. 6, 24—26) and Turkic (fig. 6, 27—29) types.

The emergence in the middle of the first millenium of the yurta and of other culture forms exceedingly well adapted to nomadic life signified that the economic-cultural type of pastoral nomads was completely formed and had passed from the early to the late nomadic stage. The historical evolution of the nomads' dwelling, as well as that of their transportation (the diffusion of the hard saddle and stirrups by the end of the first half of the first millenium A. D. and of other forms of material and intellectual culture (writing, literature, «great» religions, etc.), testifies, in the author's opinion, to the erroneousness of the conception that denies any substantial progress in the culture of pastoral nomads in the course of their history.

---

⁹⁴ См., например: С. Г. Кляшторный, О генетических корнях древнетюркской культуры, «Финно-угорские народы и восток», Тарту, 1975.